

нимаетъ видъ чего-то дикаго; если внезапный смѣхъ прерываетъ мрачную задумчивость, то не радость возбуждаетъ его: этотъ переломъ доказываетъ только, что человѣкъ не можетъ совершенно скрыть чувствъ своихъ. Лица, которые всегда улыбаются—вотъ лица счастливыхъ!

Наталья Федоровна:—О! я знаю, что вы всегда заступаете за господина Арбенина!

Гость третій:—Развѣ вы никогда не заступаете за людей, которыхъ обвиняютъ напрасну?

Наталья Федоровна:—Напротивъ! вотъ я третьяго дня цѣлый часъ спорила съ дядошкой, который утверждалъ, что Арбенинъ не заслуживаетъ названія дворянина, что у него злой языкъ и такъ далѣе; а я знаю, что Арбенинъ такъ понимаетъ хорошо честь, какъ никто, и что у него доброе сердце—онъ это доказалъ многимъ.

Гость первый (обращаясь къ другому):—Посмотрите, какъ она покраснѣла.

Гость четвертый:—C'est une coquette!

Наталья Федоровна (смотря въ дверь):—Кто это еще прѣхалъ?—Ахъ, вообразите! я не узнала издали кузину.

(Княжна Софья входитъ. Кузина цѣлуются).

Княжна Софья (тихо Наташѣ):—Я сію минуту, выходя изъ кареты, видѣла Арбенина: онъ ѣхалъ мимо нашего дома и такъ пристально глядѣлъ въ окна, что если бъ самъ императоръ проѣхалъ мимо его съ другой стороны, такъ онъ бы не обернулся. (Улыбается). Будетъ онъ здѣсь?

Наталья Федоровна: Почему же мнѣ знать; я не спрашивала, а онъ самъ никогда напередъ не извѣщаетъ о своемъ прѣздѣ.

Княжна Софья (въ сторону):—А я надѣялась еще разъ его увидать. (Громко). У меня сегодня что-то голова болитъ.

Гость второй:—Лишь бы не сердце.

Княжна Софья (въ сторону):—Какъ плохо! (Ему). Вы вчера прекрасно играли у графа, особенно во второй пьесѣ; всѣ были восхищены вами (онъ кланяется). Только скажите, для чего вы такъ рано уѣхали, тотчасъ послѣ ужина?

Гость второй:—У меня заболѣла голова.

Княжна Софья (съ улыбкой):—Что за важность? Это не сердце!

Анна Николаевна (подходитъ):—Барышни! господа кавалеры! не хотите ли играть въ мушкетъ? Столы готовы.

Многіе:—Съ большимъ удовольствіемъ. (Всѣ, кромѣ Наташи и Софьи, уходятъ).

Княжна:—Кузина! мнѣ кажется, ты со-всѣмъ не радуешься своей побѣдѣ? Ты какъ

будто не догадываешься... Ну, къ чему хитрить? Всякій замѣтилъ, что Арбенинъ въ тебя влюбленъ, и ты прежде всѣхъ это замѣтила. Зачѣмъ такъ мало довѣренности ко мнѣ? Ты знаешь, что я съ тобой дружна и всегда все про себя сказываю... или я еще не заслужила?..

Наталья Федоровна:—Душенька, къ чему такіе упреки? (Цѣлуетъ ее). Впрочемъ, это неправда... (Беретъ княжну за руку). Не сердитесь же, Софья Николаевна! (Смѣется).

Княжна:—О, я знаю, что онъ тебѣ нравится! но берегись! ты Арбенина не знаешь хорошо, потому что его никто хорошо знать не можетъ. Умъ язвительный и вмѣстѣ глубокой, желанія, незнающія никакой преграды, и переменчивость склонностей—вотъ что опасно въ твоемъ любезномъ. Онъ самъ не знаетъ, чего хочетъ, и по той же причинѣ, полюбивъ, разлюбитъ тотчасъ, если представится ему новая цѣль.

Наталья Федоровна:—Съ какимъ жаромъ вы говорите, кузина!

Княжна:—Потому что я тебя люблю и предостерегаю...

Наталья Федоровна:—Да почему тебѣ такъ знать его?

Княжна:—О! я слышалась довольно...

Наталья Федоровна:—Отъ кого?

Княжна:—Да отъ самого Арбенина. (Наташа отворачивается и уходитъ). Она ревнива! она любитъ его! а онъ, онъ... Какъ часто, когда я ему говорила что-нибудь, онъ безъ вниманія сидѣлъ съ неподвижными глазами, какъ будто бы одна единственная мысль владѣла его существованіемъ, и когда Наташа подходила, а слѣдовала за его взорами: внезапный блескъ появлялся на нихъ... О, я несчастная!.. но какъ не любить? Онъ часто разговаривалъ со мною, но почти все о Наташѣ. Я знаю, что ему пріятно было со мною, но знаю также, что это не для меня; и то, что должно бы было служить мнѣ неисчерпаемымъ источникомъ блаженства, превращаетъ одна мысль въ жестокую муку... Онъ не красавецъ, но такъ не похожъ на другихъ людей, что самые недостатки его, какъ рѣдкость, невольно нравятся; какая душа блещетъ въ его темныхъ глазахъ! какой голосъ!.. О, я безумная! ломаю себѣ голову надъ его характеромъ и не могу растолковать собственную страсть! (Молчаніе). Нѣтъ! они не будутъ счастливы: клянусь этимъ небомъ, клянусь душой моей, все, что имѣетъ ядовитаго женская хитрость, будетъ употреблено, чтобы разрушить ихъ благополучіе... Пусть тогда погибну, но въ утѣшеніе себѣ скажу: «онъ не веселится, когда я плачу; его жизнь не спокойнѣе моей»... Я рѣшилась! какъ легко